

Народно-фольклорный аспект языка и проблемы

сравнительного перевода

الأفق الفلكلوري والشعبي في اللغة ومشاكل الترجمة المقارنة

Д-р Акиль Яхья Хассан

Введение

Тема нашего исследования носит название народно-фольклорные аспекты языка и проблемы сравнительного перевода. Следует сразу заметить, что культура и язык – сообщающиеся сосуды. Культура, социальное устройство общества, человек и язык – неразрывно связаны.

Народно-фольклорный аспект перевода является очень старой и хорошо известной и изученной проблемой, но несмотря на это и очень молодой. Актуальность данной темы очевидна. Человек развивается и развивает культуру. И язык развивается вместе с ними, например, новые направления в искусстве породили множество новых слов. Социальное устройство общества также оказывает влияние на язык. В различные эпохи развития общества существовал свой язык, свои понятия.

Цель нашего исследования – анализ проблемы социо-культурного аспекта перевода и формирование навыков перевода культурных и социальных реалий разных стран.

Методом исследования нашей работы является анализ научной литературы.

1. Понятие перевода

Очень широко распространено мнение, что успех или неуспех переводческой деятельности зависит в первую очередь от квалификации и таланта переводчика, от того, насколько хорошо он владеет иностранным и родным языком, то есть от факторов субъективных. С данной точки зрения обучение переводчиков может ограничиться практическими курсами иностранного и родного языка. Однако при таком подходе вне поля зрения остаётся целый ряд объективных факторов. Задачей данного курса является уточнение границ и условий адекватного перевода. Для решения поставленной задачи необходимо дать чёткий ответ на вопрос: "Что такое перевод?".

Перед тем, как сформулировать понятие перевода, необходимо отграничить перевод от других лингвистических явлений, которые зачастую отождествляются с ним. Переводом не является "калькирование" - прямое заимствование слов-имён, которые чётко соотносятся с определёнными предметами или людьми (сюда относятся так называемые "интернационализмы", например, "компьютер", "телефон", "фрегат" и т. д., а также имена собственные - "Джон", "Вашингтон", "Бавария" и т.п.). "Калькирование" - это просто добавление в язык новых слов, заимствованных из других языков; подобные неологизмы, в частности, интернационализмы, появляются в языке обычно вместе с заимствованием объектов, которые они обозначают. Переводом не является также и подбор для переводимых слов терминов из языка перевода, которые не соответствуют смыслу переводимого слова (например, перевод термина "Смута", обозначающего кризис русского общества и государства начала в XVII в., на арабский язык термином "حرب اهلية", т. е. "гражданская

война"; аналогии между гражданской войной и Смутой начала XVII в. носят чисто внешний характер).

Подобное истолкование иностранных слов приводит к своеобразной языковой энтропии - соотнесению с тем или иным понятием смысла, который ему не соответствует. В этом непонимании едва ли можно винить переводчика - невозможно адекватно перевести и не исказить смысл понятия, если в языке перевода просто не сложилось адекватного переводимого понятия, поскольку нет соответствующего денотата. Подобное истолкование называется "творческим переводом", "насилием над подлинником в угоду традициям своей литературы" и именно с результатами "творческого перевода", т. е. с более или менее приблизительным истолкованием смысла переводимого текста знакомится массовый читатель.

Итак, перевод в собственном смысле слова предполагает точную передачу смысла переводимого текста средствами языка, на который данный текст переводится, т. е. в идеале в процессе перевода не должно появиться новое сообщение .

М. Л. Гаспаров подчёркивает, что "переводческий процесс состоит из двух этапов: понимания и оформления". Перевод в данном понимании смысла этого слова - труднодостижимый идеал. Для выявления его границ и условий используем три уровня анализа: философско-лингвистический, культурологический, языковой.

1. Философско-лингвистический уровень. Перевод осуществляется с одного естественного языка на другой. Ю. М. Лотман подчёркивает, что естественные языки являются весьма несовершенными средствами передачи информации, в отличие от искусственных - код отправителя и код адресата не совпадают друг с другом, но более или менее соответствуют

друг другу. «Условием адекватного перевода т. о. является максимальное соответствие кодов передачи сообщения».

2. Понять, почему естественные языки как коды передачи информации могут лишь частично соответствовать друг другу, но не совпадать, помогает культурологический уровень анализа. Язык является носителем культуры, а культуры на цивилизационном уровне имеют разные понятийные системы. Перевод с языка одного общества на язык другого может быть адекватен, если эти общества относятся к одной цивилизации. Перевод с языка одной цивилизации на язык другой не может быть адекватен из-за различия понятийных систем.

3. Языковой уровень. Перевод с одного языка на другой возможен, если в языке оригинала есть понятия, соответствующие понятиям языка перевода, и смыслы понятий языка оригинала и языка перевода соответствуют друг другу.

2. Социо-культурные аспекты перевода

2.1. Культурно-коннотативный компонент лексики

Как известно, слово - носитель не только актуальной информации, передаваемой в ходе повседневной речевой коммуникации; оно вместе с тем аккумулирует социально-историческую информацию, интеллектуальную и экспрессивно-эмоциональную, оценочную, общегуманистического и конкретно национального характера. Такая информация и составляет социальноисторический, национально обусловленный культурный компонент смысловой структуры слова.

Культурный компонент смысла слова для носителей конкретного языка непосредственно выявляется в текстах, в которых так или иначе, по тому или иному поводу сопоставляются социально-исторические срезы

эпох, сложившиеся стереотипы мышления, речевого поведения представителей разных слоев общества, профессий, политических групп и т.п. Обычно это находит свое выражение в так называемых оценках речи, в более развернутом виде - в комментирующих контекстах, в детализированных толкованиях слов. Культурный компонент значения слова становится очевидным при сопоставлении, столкновении автором художественного произведения социально-речевых характеристик персонажей. Н.Ю. Шведова выдвинула и обосновала продуктивную мысль о языковых условиях существования слова как об одном из важнейших (наряду с внутренними свойствами слова) факторов его многоаспектного описания. "...лексическая единица всегда существует одновременно в контексте класса, в контексте текстовой последовательности и в содержательном ("обстановочном") контексте речевой ситуации". Культурный компонент смысла слова неоднороден. Он может иметь интеллектуальное и экспрессивно-эмоциональное содержание, рационалистическую и эмоциональную оценку.

Культурный компонент коннотативного характера приобретает различный статус в смысловой структуре разных слов. И в зависимости от этого для его описания требуются "обстановочные" контексты неодинакового объема и структуры или непосредственный комментарий. Следует при этом подчеркнуть, что необходимость в таких контекстах и комментарии возникает прежде всего при сопоставлении обычно двух национальных культур при обучении неродному языку, в переводческой деятельности.

Говоря о различном статусе культурного компонента в смысловой структуре коннотативно значимых слов, мы имеем в виду следующие ряды лексико-семантических явлений.

Первый ряд составляют слова, в том числе имена собственные, коннотация которых опирается на ассоциации. При этом важно различать ассоциации, в основе которых лежат традиционные, социально-исторически обусловленные осмысления определенных реалий, представлений, понятий как национально-самобытных, присущих только носителям данного языка, и ассоциации литературного происхождения. Например, черемуха ассоциируется у русского человека с проявлением любви юноши к девушке. Это отражается и в контекстах употребления слова черемуха. Так, в одной из песен поется: "Все равно, любимая, отцветет черемуха", т.е. любовь кончится.

Особенно рельефно такого рода ассоциации выявляются при сопоставлении национальных культур или различных социально-исторических ареалов, в частности, на основе анализа переводов художественного произведения на разные языки. В этом отношении большой интерес представляют наблюдения А.А. Брагиной над переводами "Анны Карениной" Л. Толстого на некоторые западноевропейские языки. В бальном наряде Анны Карениной - анютины глазки. Их название, пишет А. А. Брагина, созвучно имени Анна. Этот цветок широко известен в народе: он имеет много названий: трехцветка, полуцвет, брат-и-сестра, Иван-да-Марья. Цветок овеян легендами и сказками. Одна из них, наиболее известная, о запретной роковой любви брата и сестры, не знавших о родстве и поженившихся. Двухцветье напоминает о двух несчастливо влюбленных.

Ассоциации литературного происхождения возникают на основе конкретных литературных произведений (и отчасти публицистических), например: недоросль, Митрофанушка, маниловщина, обломовщина, пошехонцы, корчагинцы. Сюда относятся ставшие устойчивыми такие

сочетания, как золотая рыбка, дым отечества, лишние люди, путевка в жизнь и т.п.

Слова и словосочетания фольклорного происхождения (добрый молодец, красна девица, три богатыря, соловей-разбойник, Иванушка-дурачок, Михаил Топтыгин и т.п.), очевидно, занимают промежуточное положение между указанными разновидностями национально-самобытных ассоциаций, поскольку, будучи плодом поэтического творчества, они представляются устойчивыми обозначениями художественных образов национальной народно-поэтической традиции.

Второй ряд лексико-семантических явлений составляют слова, употребляемые в переносно-расширительном смысле. При таком употреблении они утрачивают соотносительность в основных значениях со своими лексическими эквивалентами других языков. Например, к слову гриб "Большой академический словарь" дает только "ботанические" значения. Однако, говоря с оттенком иронии, насмешки и недоброжелательства о старом человеке, сгорбленном, слабом, небольшого роста, с морщинистым лицом, нередко прибегают к слову гриб или к сочетанию старый гриб. См. также переносно-расширительное употребление таких слов, как голубь, бык, устаревшее брильянтовый.

Здесь отмечались только те слова, коннотация которых национально-специфична и национально-уникальна. Конечно, есть слова, которые заключают в себе аналогичные по содержанию коннотации, наблюдающиеся у эквивалентных слов разных языков. Это относится, скажем, к культурному компоненту смысла слов роза, красный, левый, заря во многих языках европейского ареала или к словам типа донкихот, золушка, Хлестаков, ловелас, красная шапочка.

Наиболее явственно культурный компонент смысла слова проявляется при сопоставлении национальных культур, в частности при изучении неродного языка. Вот почему проблема культурного компонента смысла слова, - будучи включенной в социолингвистическую проблематику, весьма существенна для лингводидактики, теории и практики перевода, в контрастивно-типологических лингвистических исследованиях.

2.2. Проблема сохранения национальной окраски в переводах художественной литературы

Рассмотрение вопроса о связи образных средств подлинника с национальным языком и о возможностях их передачи вплотную подводит к другому вопросу, тоже специфическому для художественной литературы. Это — вопрос о возможности передать национальное своеобразие оригинала в той мере, в какой оно связано с его языком. Специфичность вопроса обусловлена тем, что именно художественная литература отражает и образах определенную действительность, связанную с жизнью конкретного народа, язык которого и дает основу для воплощения образов. В той мере, в какой образность играет роль и в литературе общественно-политической, вопрос о национальной окраске встает и по отношению к ней, но в полном объеме он может быть прослежен только на материале художественном.

Само собою разумеется, что сохранение национального своеобразия подлинника, предполагающее функционально точное воспроизведение целого сочетания элементов, задача чрезвычайно сложная в плане как практического ее решения, так и теоретического анализа. Следует подчеркнуть, что литература каждой страны дает ряд произведений на темы

и сюжеты, взятые из жизни других народов и тем не менее отмеченные печатью собственной народности. Это явление давно привлекало внимание писателей и критиков.

Внимание критики привлекает тот факт, что среди писателей одного народа есть такие, у которых черты национального своеобразия выражены особенно ярко на основе тематики, взятой из жизни их народа, их страны.

В смысле национальной окраски художественный образ в литературе обусловлен двусторонне: он обусловлен, с одной стороны, содержанием, выражаемым им, и, с другой стороны, и качестве образа языкового, он обусловлен теми языковыми категориями, которые являются его основой.

Национальная окраска — вполне конкретная особенность литературного произведения, которая может быть выражена и более и менее ярко. Выражается она чаще всего или в образах, наиболее непосредственно отражающих материальную обстановку и социальные условия жизни народа (в частности, в характере и поступках действующих лиц) или в насыщенности идиоматикой (в широком смысле слова).

В первом случае, т. е. когда дело касается вещественного содержания образов, и, в частности, сюжетно-тематической стороны литературного произведения, особой переводческой проблемы не возникает. Таков случай яркого проявления специфической национальной окраски, отмеченный Белинским в романе Гёте «Избирательное сродство» и обозначенный им как «чисто немецкая черта».

«В самом деле, — писал он, — тут многому можно удивиться! Девушка переписывает отчеты по управлению имением; герой романа замечает, что ее копни, чем дальше, тем больше почерк ее становится похож на его почерк. "Ты любишь меня!" восклицает он, бросаясь ей на шею.

Повторяем: такая черта не одной нашей, но и всякой другой публике не может не показаться странною. Но для немцев она нисколько не странна, потому что это черта немецкой жизни, верно схваченная. Таких черт в этом романе найдется довольно...».

Во втором случае, т. е. когда национальная окраска выражается и в идиоматичности текста, сочетающейся с национальной спецификой образов и ситуаций, переводческая трудность может быть очень значительна. Чем ближе произведение по своей тематике к народной жизни, к житейскому быту, а по стилистике своей — к фольклору, тем ярче проявляется, обычно, национальная окраска. При этом переводческая задача усложняется еще и потому, что национальная окраска оригинала воспринимается как нечто привычное, родное, естественное всеми теми, для которых его язык является родным. Отсюда, казалось бы, неразрешимая дилемма — или показать специфику и впасть в экзотику или сохранить привычность и утратить специфику, заменить ее спецификой одного из стилей того языка, на который делается перевод.

Попытаемся, однако, показать, что задача разрешима.

Принципиально это тем более важно, что вопрос о передаче национального своеобразия подлинника, его особой окраски, связанной с национальной средой, где он создан, относится к числу тех основных проблем теории перевода, от которых зависит и ответ на вопрос о переводимости. Но при этом необходимо помнить, что национальная окраска менее всего может быть сведена к какой-либо отдельной формальной особенности произведения и не может рассматриваться в одном ряду с вопросом, например, о том или ином элементе словарного состава языка (как диалектизмы, варваризмы и проч.) или отдельной грамматической форме. Национальная окраска всегда затрагивает целую

совокупность черт в литературном произведении, целое сочетание особенностей, хотя некоторые из них и могут быть более ярко отмечены ее печатью, чем другие. И, конечно, не может быть назван какой-либо общий переводческий «прием», который специально служит для ее воспроизведения: здесь это еще менее возможно, чем по отношению к другим особенностям подлинника.

Передача национальной окраски находится в самой тесной зависимости от полноценности перевода в целом: а) с одной стороны от степени точности в передаче художественных образов, связанной и с вещественным смыслом слов и с их грамматическим оформлением, и б) с другой стороны, от характера средств общенародного языка, применяемых в переводе (вплоть до идиоматики) и не имеющих специфически местной окраски (в частности, не содержащих упоминания о национальных реалиях).

2.3. Передача слов, обозначающих национально-специфические реалии общественной жизни и материального быта

Вопросы в синонимии в переводе встают и по отношению к такому лексическому пласту иностранного языка, как обозначение реалий общественной жизни и материального быта, специфические для определенного народа или страны. Хотя казалось бы, речь здесь идет о понятиях и вещах, допускающих точное описание и определение, получающих почти терминологическое выражение на данном языке, при передаче их средствами другого языка возможны значительные колебания, варианты. Это связано с тем, что по частоте употребления, по роли в языке, по общезначимости содержания или по своему бытовому характеру слова, служащие названием таких реалий, не имеют

терминологической окраски; они не контрастируют даже с самым «обыденным» контекстом в подлиннике, не выделяются в нем стилистически, являясь привычными для языка подлинника и именно поэтому составляют особую трудность при переводе.

Само собой разумеется, что возможность правильно передать обозначения вещей, о которых идет речь в подлиннике, и образов, связанных с ними, предполагает определенные знания о той действительности, которая изображена в переводимом произведении (независимо от того, приобретены ли такие знания путем прямого знакомства с ней или почерпнуты из книг либо иных источников).

За этими знаниями как в страноведении, так и в сопоставительном языкознании и теории перевода закрепилось в последнее время определение «фоновых» («фоновые знания»): как явствует из самого значения термина, имеется в виду совокупность представлений о том, что составляет реальный фон, на котором разворачивается картина жизни другой страны, другого народа. Е. М. Верещагин и В.Г. Костомаров определяют их, как «общие для участников коммуникативного акта знания»

Для теории и практики перевода фактически имеет значение лишь часть фоновых знаний — та, которая относится к явлениям специфическим для иной культуры, иной страны и необходима читателям переводного произведения, чтобы без потерь усвоить в деталях его содержание. В связи с этим В. С. Виноградов считает, что в «исследовании, посвященном лексическим проблемам, представляется более целесообразным пользоваться термином «фоновая информация», который соотносится с понятием фоновых знаний, но по сравнению с ним является более узким и

соответствующим изучаемой теме», и так определяет предложенное понятие:

«Фоновые сведения — это социокультурные сведения, характерные лишь для определенной нации или национальности, освоенные массой их представителей и отраженные в языке данной национальной общности» [5, с. 146].

Ни фоновые знания, как категория более общая, ни фоновая информация не являются чем-то раз и навсегда установленным, некоторая часть их с течением времени может утрачиваться, как ставшая неактуальной и не получающая применения, но в целом фоновая информация имеет тенденцию к постоянному расширению в связи со все растущими контактами между народами и их культурами. Одной из форм, в которых осуществляются эти контакты, следует признать и перевод любых текстов (от художественной литературы до произведений научных — особенно из области гуманитарной — и публицистики).

Тем самым распространение фоновой информации происходит и через перевод, особенно через перевод художественной литературы и, в частности, повествовательной прозы, равно как и драматургии, где для изображения фона действия важную роль играют вещественные детали материального и общественного быта, характер обращения людей друг к другу и т. п. Такие детали имеют названия в оригинале и требуют называния в переводе. Это называние осуществляется по-разному.

Итак, предпосылкой для верной передачи слов, выражающих реалии материального быта, является знание самих вещей, стоящих за этими словами, верное представление о них. Если же сама вещь не названа прямо, а описана перифрастически или изображена метафорически, то задача еще более усложняется. И чем более чужда и далека сама

действительность с ее отдельными деталями, тем легче возникают ошибки, неточности понимания, приблизительность перевода как в плоскости вещественного содержания, выражаемого им, так и в стилистическом разрезе.

Когда переводчик ограничивает себя только данными текста, слепо доверяясь номинативным значениям его словарных элементов, взятых в отдельности, не подозревая или забывая о том, что новые значения их, получающиеся в результате их сочетания друг с другом, могут быть отмечены даже и в словарях, — тогда возникают грубые смысловые ошибки.

Национально-специфические реалии многочисленны в рамках каждой определенной культуры и могут быть установлены различные их группы и подгруппы по признаку принадлежности к той или иной сфере материального быта, духовной жизни человека, общественной деятельности, к миру природы и т. д. В связи с интересом к переводу слов, являющихся их названиями и всегда составляющих большую трудность для передачи на другом языке, предложены и классификации самих реалий по указанному признаку, но это — вопрос экстралингвистический. Для лингвистической же общей теории перевода интерес представляет вопрос о способах передачи слов как названий реалий.

При этом не лишнее подчеркнуть, что речь должна идти именно о переводе названий реалий, а отнюдь не о «переводе» самих реалий, ибо реалья — понятие экстралингвистическое и не может «переводиться», как не может «переводиться» с одного языка на другой любая существующая в природе вещь.

Безусловно, язык каждого народа- это зеркало отражающее все стороны бытия того народа, что и позволяет через звук, слово, семантику увидеть и передать отличающие черты, характеризующие тот или иной народ.

I. Чтобы полностью понять истинный смысл целого текста, предложения, слова, мало знать язык, на котором они написаны или произнесены, нужно располагать и огромной внеязыковой информацией.

II. Произведение литературы всегда отражает обстановку, национальную и общественную среду, в которой творил писатель. Воссоздание в переводе национального и исторического фона оригинала предполагает такой выбор и такое сочетание словесных средств, которые позволили бы увидеть и понять характер материального и общественного быта другого народа.

Есть вещи (в том числе предметы одежды, домашняя утварь, кушанья и напитки, учреждения, должности, обычаи, явления природы), существующие к одного народа и отсутствующие к другого. Названия таких реалий постоянно встречаются и требуют отражения при переводе.

Буквальным смыслом текста занимается семантика. Семантика вскрывает национальное своеобразие системы значений каждого языка.

Таким образом семантика любого языка выявляется в процесс перевода на другой язык. Например: перевод стихотворения С. Есенина на арабский язык, сразу можно заметить отличия русской жизни и арабской. И если перевести лирику арабского поэта из этой же деревенской среды, то лексика так же будет отличаться. Например: Есенин повторяет слово "сосна" которой в арабском языке нет, потому что в природе такого дерева нет. Так, для того чтобы перевести слово "сосна" на арабский язык переводчик передает фонетическое звучание этого слова, делая сноску, в которой объясняет лексическое значение этого слова. Аналогично происходит при переводе других слов, как борщ, сметана и др.

Подобным принцип применяется и при переводе

Между тем в целом ряде работ можно прочитать и о «переводе реалий». Это, конечно, терминологически некорректно, но так как подобное словоупотребление уже широко распространилось, к нему — в тех случаях, когда оно встречается, — следует относиться как к условности, как к сокращенному и упрощенному способу выражения. Наряду с ним практикуется другой, более приемлемый: «перевод слов-реалий» (сочетание

«слова-реалии» выступает как синоним «названий реалий»); допустимо также сочетание «передача реалий», поскольку слово «передача» шире по значению, чем «перевод» и может относиться к экстралингвистическим понятиям.

Возможности перевода названий реалий, фактически встречающиеся в переводах, сводятся к четырем основным случаям.

Это, во-первых, транслитерация либо транскрипция (полная или частичная), непосредственное использование данного слова, обозначающего реалию, либо его корня в написании буквами своего языка или в сочетании с суффиксами своего языка.

Во-вторых, создание нового слова или сложного слова, или словосочетания для обозначения соответствующего предмета на основе элементов и морфологических отношений, уже реально существующих в языке. В своей основе это перевод описательный, перифрастический.

Третий способ — использование слова, обозначающего нечто близкое (хотя и не тождественное) по функции к иноязычной реалии, — иначе — уподобляющий перевод, уточняемый в условиях контекста, а иногда граничащий с приблизительным обозначением.

Четвертый способ — так называемый гипонимический (от английского слова "hiponymy", составленного из греческих корней) или обобщенно-приблизительный перевод, при котором слова ИЯ, обозначающие видовое понятие, передается словом ПЯ, называющим понятие родовое.

Нет такого слова, которое не могло бы быть переведено на другой язык, хотя бы описательно, т. е. распространенным сочетанием слов данного языка. Но транслитерация необходима именно тогда, когда важно соблюсти лексическую краткость обозначения, соответствующего его

привычности в языке подлинника, и вместе с тем подчеркнуть специфичность называемой вещи или понятия, если нет точного соответствия в языке перевода. Оценивая целесообразность применения транслитерации, необходимо точно учитывать, насколько важна передача этой специфичности. Если же последнее не требуется, то использование транслитерации превращается в злоупотребление иностранными заимствованиями, приводит к затемнению смысла и к засорению родного языка.

Целесообразность и правомерность транслитерации в известных случаях доказывается тем, что нередко авторы, пишущие о жизни других народов, прибегают к этому языковому средству, как к способу назвать и подчеркнуть реалию, специфическую для быта данного народа. В русский язык вошли, например, слова «аул», «кишлак», «сакля» и многие другие и именно в этой транслитерации стали традиционными. Так подчеркивалась специфичность вещи, обозначаемой словом, ее отличие от того, что могло бы быть приблизительно обозначено отдаленно соответствующим русским словом (ср. «аул» или «кишлак», с одной стороны, и «деревня», с другой, «сакля» или «хижина» и «изба»). Пример слов, заимствованных оригинальной литературой путем транслитерации, служит мотивировкой при использовании таких слов в переводе.

Часто иноязычные слова переносятся в язык перевода именно для выделения оттенка специфичности, который присущ выражаемой ими реалии — при возможности лексического перевода, более или менее точного.

Когда транслитерируемое слово употребляется редко или, тем более, впервые переносится в русский переводный текст, бывает необходимо и комментирующее пояснение, и соответствующий контекст. Но возможность

применить иноязычное слово определяется не только наличием комментария. При всей непонятности слова, употребляемого впервые (или вообще очень редко), контекст, в котором оно употреблено, если и не способен полностью раскрыть его смысл, то все же может дать некоторое представление о предмете или понятии, обозначенном им.

Впрочем, в русских переводах западноевропейской художественной литературы за последнее время все более упрочивается тенденция избегать таких слов, которые требовали бы пояснительных примечаний, не предполагаемых подлинником — т.е., именно транслитерированных обозначений иностранных реалий, кроме ставших уже привычными.

Второй способ передачи слов, обозначающих специфические реалии, — а именно создание нового слова или словосочетания, — практически встречается в русских переводах реже, чем первый.

Третий способ передачи слов, обозначающих инонациональные реалии, состоит в использовании слов родного языка, означающих нечто близкое или похожее по функции, хотя бы и не абсолютно тождественное.

Если предмет или понятие, обозначенные словом, мало чем отличаются от предмета или понятия, обозначаемого соответствующим словом в переводе, если с ним самим не связаны никакие специфически местные признаки, то передача смысла в условиях контекста может оказаться исчерпывающей (например, «консьерж» — «привратник»). В подобных случаях утрата некоторой вещественной специфики, характеризуемой русским словом, возмещается полной понятностью его перевода в контексте при большей или меньшей степени близости выражаемого понятия.

С другой стороны, слово, имеющее непосредственную связь со специфическими фактами из жизни той страны, на язык которой делается

перевод, не может быть полноценным образом использовано для передачи реального понятия из жизни другой страны, другого народа.

Что касается гипонимического способа перевода, то он всегда обедняет представление, связанное с названием реалии в иностранном языке, поскольку название обобщающего понятия в языке перевода неизбежно приводит к утрате конкретности — то в большей, то в меньшей степени. Это происходит, когда, например, русское слово «изба» переводится по-немецки как „Haus" или же немецкое „Fachwerkhaus" переводится по-русски просто как «дом».

Может показаться парадоксальным, что гипонимическое соотношение между словом оригинала и словом перевода устанавливается в известной мере и при транслитерации (транскрипции) в тех случаях, подобных описанным выше, когда контекст позволяет уловить значение родового понятия, выраженного транслитерированным (транскрибированным) словом. Таким образом выявляется известная общность между двумя, казалось бы, далекими друг от друга способами перевода. Вообще же описанные четыре способа в практике переводческой работы обычно не изолированы, т. е. применяются в сочетании друг с другом. Исключительное использование только одного из них имело бы результатом либо перегрузку переводного текста иноязычным словесным материалом или «экотизмами» (при транслитерации или транскрипции), либо непомерное расширение текста (при описательном, перифрастическом способе), либо к полной утрате национальной специфичности (при уподобляющем способе), либо к обеднению вещественного смысла (при гипонимической передаче).

Заключение

Таким образом, мы убедились, что перевод – это самостоятельное понятие, обладающее своими свойствами, и эту проблему не стоит отождествлять с другими.

Также следует отметить и многогранность перевода. Перевод предполагает различные подходы, то есть одно и то же предложение можно перевести, например, с различной стилиевой окраской. И одно и то же слово имеет множество синонимов в языке перевода. Об этом можно говорить до бесконечности.

Итак, перевод – сложное многогранное понятие, требующее от специалиста не только безупречного знания языка, но и умения различать смысловые, стилиевые и так далее оттенки письменной или устной речи; знания истории языка и знание самой истории и развития культуры общества.

Также можно сделать вывод о том, что социо-культурный аспект перевода пожалуй один из самых сложных переводческих аспектов. Однако не только самых сложных, но и самых интересных и познавательных.

Мы еще раз убеждаемся, что перевод, а особенно его социо-культурный аспект отличается многогранностью и сложностью.

Список использованной литературы

1. Виноградов В.С. Введение в переводоведение. – М.: ИОСО РАО, 2001. – 224 с.
2. Комиссаров В.Н. Общая теория перевода. – М.: ЧеРо, 1999. – 134 с.
3. Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии. – Санкт-Петербург: Искусство-СПб, 1996. – 305 с.
4. Федоров А.В. Введение в теорию перевода. – М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1953. – 336 с.

5. Федоров А.В. Основы общей теории перевода. – М.: Высшая школа, 1983.
– 304 с.